

ГОГОЛЬ И РОДИНА

В литературу Гоголь вступил в то время, когда обезглавив революционное движение начала XIX века, николаевская реакция беспощадным ошейником монархического произвола душила многомиллионный народ, мертвила его жизнь и застилала страну мраком изверства на целые десятилетия.

Раболепство, арачьевщина и религиозное мародерство, смердящим букетом бедены разрастались в жизни, торжествовали в литературе, оплеванной и поруганной позолоченной чернью.

«Бывали хуже времена,
Но не было подлее»

— так вполне правильно охарактеризовал Некрасов время царствования Николая Палкина.

В кабальном мире «мертвых душ», в ярме крепостного варварства трудно было пронести любовь к человеку, уважение к поработанному народу, а тем более обличать мерзость этого общества.

За любовь к народу, за свободное слово, разящее самодержавие, заплатили жизнью Пушкин, Лермонтов, Шевченко... «Скучно на этом свете, господа! — писал Гоголь, — ...мокрые галки да вороны, однообразный дождь, слезливое без просвета небо».

Лишь вера в силы народных низов являлась тем живительным источником, который вдохновил Гоголя на многие прекрасные творения, написанные глубоко вдумчиво и любовно. Еще при создании «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголь обратился к фольклору, к устному творчеству, созданному вечно бьющими ключами народной мысли, согретому нечерствеющим горячим народным сердцем.

Беря свои истоки из устной народной поэзии, произведения Гоголя еще в то время приобрели широчайшую популярность в народе. Они были свежим воздухом в подневольной жизни народа.

Пушкин писал о «Вечерах»: «Вот настоящая веселость, искренняя, непридуманная, без жеманства, без чопорности».

Великий моралист Гоголь первый из русских писателей своей комедией «Ревизор» научил русский народ смеяться громко, язвительно и открыто над своими врагами. Он первый в своих петербургских повестях по настоящему вступился за незаметного униженного человека, забитого и задавленного бюрократизмом.

Гений Гоголь предвидел, что придет конец Сквозник-Дмухановским, Тяпкин-Ляпкиным, грубым Ноздревым, ничтожным Собакевичам и Плюшкиным, но останется великий русский народ и будет зеленеть, расцветая, славная русская земля.

Гоголь безгранично любил жизнь народных низов, его неумирающую страсть к свободе и с восхищением воспевал ее в своих изумляющих красотой произведениях.

«Отрепшийся от прелести мира и от женской любви, — писал Александр Блок о Гоголе, — человек этот сам, как женщина, носил под сердцем плод: существо, мрачно осредоточенное и безучастное ко всему, кроме одного; не существо, не человек почти, а как бы один обнаженный слух, отверстый лишь для того, чтобы слышать медленные движения, потягивания ребенка... Этого ребенка назвал он Россией».

Отвоевывая право на жизнь для будущего ребенка — Руси, Гоголь дерзнул «вызвать наружу все, что ежеми-

нутно перед очами, и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших жизнь, всю глубину холодных, раздробленных повседневных характеров, которыми кишит земная, подчас горькая и скучная дорога, крепкою силою неумолимого резца, дерзнул выставить их выпукло и ярко на всенародные очи!», чтобы «за одним разом над всем посмеяться». Зная, что все эти грубые толталы Собакевичи, увертливые негодяи Чичиковы, беспутные прожигатели жизни Ноздревы, златоусты Маниловы, Хлестаковы и держиморды восстанут против писателя, сумевшего показать «их без масок, без прикрас, вечно пьяными и обжираться». Гоголь не побоялся вступить в единоборство с ними, ибо он считал это своим долгом, долгом писателя и гражданина.

«Писатель, если только он одарен творческой силой создавать собственные образы, — писал он, — воспитайся прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо».

Самодержавные щелкоперы типа Булгарина кричали о чрезмерной сумрачности персонажей Гоголя, они добивались, чтобы великий писатель скрашивал героев, рисовал побольше положительных типов. А художник-моралист видел это лишь в возможностях будущего, в силе русского народа, в непонятной тогда целине народных талантов.

Неясной была мечта, но она захватывающе манила взор художников, она отрадным лучем из лучезарных будущих веков проникала в беспросветный крепостнический ад. И оттого, быть может, каждое творение Гоголя, было «столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстью, кровною любовью к плодотворному зорю русской жизни» (Белинский).

Примеры героической борьбы за воссоздание вольной жизни Гоголь находил

в легендарной истории мужества украинского и русского народов. О войне 1812 года устами Тентетникова, он говорит, что не доблестью генералов знаменателен этот год и даже не геройскими подвигами, а тем, «что весь народ встал, как один человек, в защиту отечества».

Но особенно ярко выражена безграничная любовь Гоголя к родине в таких его повестях как «Страшная месть», где главный герой Данило Бурдубаш, посадивший колдуна-предателя в острог, показан как верный сын простого люда, как бесстрашный рыцарь и казачий вождь, спасающий родину от гнета «бусурманов».

Вторая повесть подобного рода — «Тарас Бульба» по своей значимости стоит еще выше. «Тарас Бульба» — это поэма о любви к родине и ненависти к захватчикам. Это восторженный гимн казачьей доблести и чести. Это песнь о богатырских подвигах, прославляющих родину. «Тарас Бульба» величественная эпопея народной борьбы. Жизнь, овеянная пороховым дымом, переполненная чудотворными подвигами, омрачаемая поражениями и озаряемая победами, мила автору и он широкой эпической кистью рисует изумляющие грандиозностью картины героического прошлого. Запорожская сечь была главной нерушимой крепостью народа в борьбе против чужеземных захватчиков. Это был рассадник мужества, «то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы, откуда разливается воля и казачество на всю Украину!».

И Гоголь изобразил эту непобедимую сечь, ее гордых орлов, вольных соколов — казачество. В образе мудрого атамана Тараса Бульбы он воплотил лучшие черты казачьей вольницы. Но и рядовые воины армии восставшего народа полны бесстрашия и геройства.

Умирающие в бою запорожцы чужды

страха перед смертью и преисполнены благородной негаснущей любви к отчизне.

«Попатнулся Шило и почувал, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану, и сказал, обратившись к товарищам: «прощайте паны — братья — товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!». «И зажмурил ослабшие очи и вынеслась казачья душа из сурового тела». Славной смертью умирают, вынося по-спартански казнь, удалой сын Тараса Остап и сам Тарас.

Суровый мститель за все беды, учиненные врагами народу, легендарный вождь казачества Тарас Бульба со своим войском громит чужеземных пришельцев, наводя страх и ужас на их замки, костелы, села и города. Нет нигде спасения врагу, ибо «поднялась вся нация... отомстить за посягания прав своих, за позорное свое унижение, за оскорбление веры предков... за бесчинства чужеземных панов, за угнетение, за унию»...

Мужественно бились казаки.

«Как орлы озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдаль судьбу свою. Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто торчачими их белыми костями;... далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и запущенными книзу усами; будут, полетев, орлы выдирать и выдергивать из них казачьи очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном почлеге! Не погибнет ни одно великодушное дело и не пропадет, как малая порошок с ружейного дула, казачья слава... Пойдет она дыбом по всему свету».

Несравненна удаль и геройство вождя казачества Тараса, — велика и горяча любовь к родине, но и безгранична суровая ненависть к врагу, дошед-

шая до высшего чувства патриотизма, когда во имя Родины он убивает своего сына-изменника Андрея.

— Так продать? Продать веру? Продать своих?... Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, выстрелил. Нет сыну-изменнику пощады.

Попав в плен, сгорая на костре, Тарас по-отцовски заботился о спасении своего родного казачьего войска, дает команду, а в конце злобно и презрительно бросает вызов врагу:

«Что взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся казак?».

В своих повестях Гоголь возродил героические образы прошлого, образы борцов за народную долю. Он страстно желал в забитом народе скорее пробудить веру в свои необятные силы; он ожидал нового Тараса Бульбу, который бы «на родном языке русской душе умел бы сказать всемогущее слово: «вперед!».

Прошли десятилетия. Под руководством партии Ленина — Сталина, освободился народ от рабства и унижения.

Буйно цветет Республика Советов. Не быстроустающей тройкой, а стремительным огнедышащим стальным коном несется Советская Страна вперед.

И действительно хочется повторять:

«Здесь ли, в тебе не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место где развернуться и пройтись ему?». «...Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..»

Мчится новая Русь — держава социализма под мудрым водительством Сталина к лучезарным дням коммунизма!